

УДК 316.4.05

БЕЗЛИКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЕ НЕВИНОВНЫХ

© 2010 г.

В.Н. Прончатов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vpronchatov@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.10.2009

Рассматриваются изменения в структуре правовых отношений, обусловленные переходом домонополистического капитализма в империалистическую фазу своего развития. Закономерным итогом этого процесса стало стремление субъектов правовых отношений использовать ничем не ограниченный произвол для сохранения распадающейся на отдельные элементы правоохранительной системы.

Ключевые слова: правовые отношения, детектив, судебная система, институт присяжных, тюрьмы, каторга и концентрационные лагеря, философия права.

Единственная надежда на спасение заключается в том, что приличные слои общества положат конец злоупотреблениям гражданскими правами политиками и негодьями, засевшими в каждом отделе городского управления.

*Джордже Уоллинг,
суперинтендант нью-йоркской полиции. 1887 год*

Постановка проблемы. Самой знаменитой теорией XX века по праву считается специальная теория относительности. Её огульная популярность у далёких от теоретической физики людей удивляла даже А. Эйнштейна. Он не мог понять, почему ей уделяется так много внимания в ущерб его более важным открытиям.

Новая научная теория возникает из потребности ученых согласовать существующую парадигму с противоречащими ей результатами экспериментов. В этом смысле специальная теория относительности стала теоретической реакцией на знаменитый эксперимент Э. Майкельсона и А. Морли. Соединив механику с электродинамикой, специальная теория относительности стала завершающим аккордом механической картины мира. Оказавшись в структуре общественных отношений и межличностных связей, физическая теория вступила во взаимодействие со всеми формами общественного сознания и, оставаясь научной концепцией, превратилась в своеобразный портрет целой эпохи, которая в преддверии надвигающейся катастрофы пыталась соединить несоединимое в деятельности самых разных социальных институтов. Если окажется, что аналогичные тенденции существовали и в сфере правовых отношений, то теория А. Эйнштейна обретет криминальные и юридические обертоны. Так му-

зыканти называют не воспринимаемые на слух частичные тоны в спектре основных мелодий.

Структура и динамика правовых отношений. В идеологических правовых отношениях большие группы людей взаимодействуют по поводу возведенной в закон воли правящих классов. Юридическим оформлением отношения собственности экономически и политически господствующий класс пытается представить свой собственный интерес в качестве всеобщего. Частичное совпадение общего и единичного в структуре отдельного, когда правящий класс действительно представляет всё общество в целом, продолжает оставаться внутренне противоречивым и потому в себе самом сохраняет возможность классового конфликта.

Превращение противоречия в антагонизм господствующий класс пытается сдержать с помощью регуляции правовых отношений, и новые дополнения к уже существующему законодательству создают рост преступности. В соответствии с очередными указами ещё вчера законопослушные граждане сегодня становятся правонарушителями или злостными рецидивистами. Несмотря на запрет нелегальной уличной торговли, сотни бабушек продолжают промышлять продажей семечек и вдобавок становятся причиной коррумпированности сотрудников ближайшего к ним отделения милиции.

Юридическим оформлением своей воли господствующий класс ограничивает возможности её проявления. Утвердив конституционное право свободы печати и собраний, «власть имущие» уже не могут наказать газету за критические высказывания в свой адрес или с помощью вооруженной силы разогнать мирную антиправительственную демонстрацию. Правительству придется реализовывать свою волю обходными путями. Демонстранты будут наказаны за нарушение дорожного движения, а своевольная газета станет собственностью нового владельца. И только в действительно критической ситуации господствующий класс отбросит правовые ограничения ради ничем не прикрытого произвола.

Регуляция правовых отношений в межличностных связях повседневной жизни. Включенный в систему общественных отношений, человек во все времена дистанцируется от них посредством повторяющихся межличностных связей. Носителями коллективного опыта повседневной жизни становятся обычаи, традиции, а также повторяющиеся от века предметы и орудия труда. В эпоху новейших технологий самая обычная лопата и набор слесарных инструментов по-прежнему востребованы в любом доме. Если удары молотка за стеной мешают спать больному ребёнку, то соседи найдут компромиссное решение, не дожидаясь «Часа суда» с обаятельным Павлом Астаховым. В крайнем случае, они могут использовать опять-таки вечное «право физической силы» как единственный аргумент абсолютной асоциальности. При этом каждый участник потасовки будет считать, что в данной ситуации он отстаивал надличностную общечеловеческую справедливость.

Архетипы своих представлений о должном обыденное сознание «делегирует» субъектам правовых отношений, поэтому существующий в стране правопорядок в любую эпоху предполагает взаимодействие интересов господствующих классов, правоохранительных органов и характерные для массового сознания представления о справедливости. Если эгоистичные интересы господствующего класса или правоохранительных органов перестают совпадать с интересами всего общества, остальные субъекты существующих в данный момент правовых отношений присваивают всеобщность себе и утверждают её через совокупность своих межличностных связей. Суровость российских законов компенсирует необязательность их исполнения, и гарантией безопасности становится отстраненность людей от государственной власти.

Во время русской колонизации Амура военный губернатор области генерал Педашенко решил прислать в старообрядческие селения представителя государственной власти, и крестьяне повалились ему в ноги: «Мы люди смиренные, между нами ничего худого не случится, а если бы что и вышло, то мы сами выдадим дурня твоему благородию; подати мы платим исправно, повинности отбываем, а от начальства избавь!» [1]. Альтернативные праву системы регуляции поведения в межличностных связях обладают способностью к саморегуляции, и, подобно физической массе, становятся мерой инертности – только не тела, а всей совокупности социальных связей.

Будучи общественным отношением, право соединяет в единое целое *преступление, поиск преступника, судебную систему, исправительные учреждения и философию права.* В поисках юридических аналогов специальной теории ответственности придется рассмотреть все элементы правоохранительной системы на рубеже XIX–XX столетия.

Преступность буржуазного общества. Система отношений, основанных на товарном производстве в его всеобщей форме, наследовала весь набор преступлений, характерных для предыдущих способов производства. Здесь продолжали убивать, мошенничать и воровать, но в каждом конкретном преступлении стала доминировать его виртуальная составляющая.

Серийные убийства. Джек Потрошитель. На пике эмоций сексуальные переживания, агрессивность и религиозный экстаз становятся тождественными, поэтому немотивированные серийные убийства на сексуальной почве существуют в течение столетий. Книги Ветхого завета рассказывают о гибели двух городов, населённых исключительно сексуальными маньяками, а протоколы святейшей инквизиции и фантазии Шарля Перро увековечили память о жившем в XVII столетии бароне Жиль дэ Рэ, более известном под именем «Синей бороды». Говорили, что в его замке нашли восемьсот детских трупов; по данным Шарля Перро, он умертвил всего-навсего семь своих жен. Прошло сто лет, и в 1850 году француз Мартин Дюммолар убил десять женщин, каждой из которых он до этого предложил поработать у него служанкой. Но самым знаменитым серийным убийством вот уже сто лет считается маньяк, укравшийся под псевдонимом Джек Потрошитель (Jack the Ripper). В белых перчатках, высокой шляпе и черном длинном плаще маньяк с кожаным хирургическим саквояжем и манерами джентль-

мена в течение нескольких месяцев убивал уличных проституток.

7 августа 1888 года в парадном многоквартирного дома для бедных было обнаружено тело Марты Тэбрен с перерезанным горлом. До конца года от рук убийцы погибли ещё шесть женщин «легкого поведения». У каждой из них он вырезал какой-нибудь орган, а свою последнюю жертву буквально искромсал на куски. Части расчленённых им тел Потрошитель посылал в редакции желтых газет с сопроводительными письмами «из ада». По данным многочисленных графологических экспертиз, все послания были написаны разными людьми.

В отличие от реальных и мифологических злодеев, Джек Потрошитель соединил то, что раньше считалось абсолютно несоединимым. Он превратил убийство в сюжет своеобразной ролевой игры, участники которой, находясь в безопасности, могли почувствовать себя в роли палача или его потенциальной жертвы. Хотя Ripper нападал только на проституток, знатные дамы начали носить стальные корсеты, а в полицейские участки хлынули толпы самозванцев, и многих из них прямоком отправляли в дурдом [2].

Преступность в сфере финансового капитала. Сохранив весь набор традиционных преступлений, господство буржуазии породило преступность в сфере финансового капитала. Заменяя полновесную золотую монету обращением ценных бумаг, биржа уравнила акции действующих предприятий, рискованных финансовых проектов и откровенных авантюр. В акте купли-продажи их акции ничем не отличались друг от друга, поэтому законность, доверчивость и откровенное надувательство на какое-то время становились тождественными. В этих условиях единственной гарантией надежности становилась связь с высокопоставленными государственными чиновниками и причастность к «высшему обществу».

Наиболее типичным преступлением новой эпохи стала грандиозная афера гениальной мошенницы Терезы Дориньяк. Четверть века она вела роскошный образ жизни за счет одураченных ею кредиторов. Простолюдинка из захолустья, она выдавала себя за наследницу огромного состояния, завещанного ей одиноким американским миллионером, у которого она якобы несколько лет работала сиделкой. В ожидании вступления наследницы в свои права банки охотно давали ей деньги под небольшие проценты, Тереза и её супруг купили шикарный особняк, где собирались самые блистательные деятели искусства, финансисты и политики.

Здесь принимали даже президента Французской Республики Феликса Фора. Хозяйка одинаково умно говорила с модным поэтом-декадентом и с важным государственным мужем, хотя всего несколько лет назад доила коров. 6 мая 1902 г. суд признал права Терезы Эмбер-Дориньяк на наследство. В назначенный день официальные лица в сопровождении кредиторов явились в особняк Эмберов, но, как выяснилось, хозяйева накануне выехали. Шкаф вскрыли без них: там лежали несколько старых газет.

Никакой банк не даст деньги первому встречному, если у него или его поручителей нет твердых гарантий возвращения увеличенной за счет процентов ссуды. А что может быть надежней огромного наследства, хранящегося за печатью нотариуса, которое будет выдано на руки в самое ближайшее время? Чтобы это *вот-вот* растянулось на четверть века, нужны дерзость, ум и обаяние. Используя терминологию специальной теории относительности, можно сказать, что в истории Терезы Дориньяк движение тел и систем соединились в одном внутренне противоречивом единстве.

Растворение преступности в структуре общественных отношений ставит проблему *твердых гарантий*. Для воровского мира такой гарантией стало происхождение из потомственной воровской семьи. По свидетельству хорошо знавшего преступный мир Варлама Шаламова, претендовать на «воровской авторитет» среди подобных себе может только тот, кто с раннего детства связан с известными ворами, прошел многолетнюю науку блатного воспитания, приучен чтить уголовные традиции и в силу своего ожесточения ко всему миру не способен поменять положение вора на любое другое [3]. Своеобразным промежуточным звеном между законопослушным и преступным сообществом становятся *фраера*, которые, не будучи ворами по происхождению, пытаются имитировать свою значимость в криминальных сообществах. За особые воровские заслуги их могут повесить до «битого фраера», но при этом они всё равно останутся существами второго сорта.

Судя по «Запискам из «Мертвого дома» (1861 г.), имевший собственный тюремный опыт Федор Достоевский этого слова не знает. В романе «Воскресение» (1889 г.) специально изучавший уголовный мир Лев Толстой его не использует. Посетивший каторжную тюрьму Сахалина А. Чехов его не слышал.

По одной из версий «фраера» в 1917 году придумал знаменитый одесский налетчик Моисей Вольфович Винницкий, более известный под воровской кличкой Мишка Японец (1891–

1919). Когда некая мадам Фраерман попросила его пристроить своего непутёвого сына, «король воров», заявил, что на знаменитого налётчика Фраермана юноша не похож и больше, чем на фраера не тянет. Литературная жизнь слова «фраер» началась с эпиграммы молодого Самуила Маршака на прочно забытого поэта Рувима Фраермана, где впервые прозвучала фраза «Бог не фраер, он всё видит».

Растущая популярность слова «фраер» в художественной литературе и повседневном речевом общении свидетельствовала о нарастающей криминальности общества и одновременно о стремлении преступных авторитетов оставаться хранителями незыблемых воровских традиций.

Поиск преступника. Появление детектива. В патриархальном обществе с характерной для него стабильностью общественных отношений внутри замкнутых хозяйственных коллективов преступление в современном смысле этого слова становится невозможным, а имущественные и бытовые конфликты регулируются на основе проверенных веками традиционных алгоритмов поведения.

Характерная для буржуазного общества абсолютизация индивидуальной свободы межличностных связей сопровождалась невиданным разгулом преступности, особенно в крупных столичных городах. Стремление французского и английского правительства обеспечить устойчивый правопорядок в условиях неприкосновенности частной жизни завершилось появлением *детектива*, ведущего оплаченное расследование по заказу государства или отдельных лиц.

Прообразом детективов стали сыщики, работавшие на мирового судью и знаменитого писателя Генри Филдинга (1750 г.). Он платил им по одной гинее в неделю, и не препятствовал выполнению частных заказов за одну гинее в день. Сыщики с Боу-стрит (англичане называли их боу-стрит-раннерами) возвращали богатым людям часть похищенного у них имущества и очень быстро становились богатыми людьми. Бывший телохранитель короля Георга IV Питер Таузенд оставил после себя колоссальную по тем временам сумму £20 000. В 1842 году по приказу английского министра внутренних дел Роберта Пиля двенадцать полицейских сняли свою униформу и, облачившись в гражданскую одежду, стали первыми в истории детективами. [4, с. 56].

Детективы не могли никого задерживать и склонять подозреваемого к даче показаний. Не вторгаясь в частную жизнь подозреваемых, они собирали непроверяемые улики, на основании которых полиция проводила задержание.

При подобных ограничениях единственным оружием детектива становилось его мышление. Защитник закона, он начинал мыслить как преступник, и, двигаясь по пространству совершенного преступления, как бы снова совершал его. Злодей был уверен, что сумел стереть следы своего злодеяния, но уничтоженный им убийца оживает в сознании детектива. В этом сцеплении противоположностей завершение следствия становилось своеобразной «сменой ролей». Предъявляя собранные им улики, детектив как бы освобождался от своего преступного двойника и носителем двойственности снова становится реальный преступник. Он пока ещё остается порядочным человеком, но содеянное им уже возвратилось к нему из, казалось бы, прочно забытого прошлого.

Этот идеальный вариант правоохранительной деятельности существовал только на страницах художественной литературы. В реальной жизни даже самым талантливым детективам приходилось пренебрегать законом ради его конечного формального торжества. Основатель созданной в 1810 году французской уголовной полиции Франсуа Видок (1755–1857) считал, что «побороть преступление может только бывший преступник». Про него говорили, что ради выполнения плана по поимке преступников начальник «Сюрте» хватается невинных и даже тайно руководит преступностью [5]. Соединив закон и беззаконие, детектив как бы примерял на себя основные принципы тоталитарной власти, которая во все времена старается казаться демократичной.

Идентификация преступника. Задержание преступника сопровождается установлением его личности и действительной причастности к совершенному преступлению. Для правоохранительной системы такой твердой гарантией стала идентификация личности задержанного по отпечаткам его пальцев.

В 1896 году начальник лондонской полиции Эдвард Генри (1850–1931) изобрел способ систематизации миллионов карточек с отпечатками пальцев, который давал возможность в кратчайший срок получить нужную информацию.

Он выделил пять основных узоров с характерными для них точками. Если на обнаруженном отпечатке пальца эти точки соединить прямой, то количество пересеченных ею папиллярных линий у каждого человека окажется индивидуальным. Количественные характеристики этих узоров могут стать искомым основанием для классификации. Осталось вооружиться лупой и обычной иглой для отсчета линий, и

можно заносить полученные данные в протокол осмотра места преступления [4, с. 27].

Если человек совершает преступление впервые, то до ареста даже самые четкие отпечатки его пальцев будут бесполезными. Чтобы папиллярные узоры могли стать эффективным способом опознания преступника, нужна централизация полиции и единая для всей страны служба идентификации, где содержатся данные обо всех, в том числе и законопослушных гражданах. Добровольно или принудительно оставляя отпечатки пальцев в полицейском участке, законопослушные граждане оказываются в одной картотеке со злостными преступниками. Характерное для всякой науки стремление ко всеобщности заставляет теперь уже криминалистику стирать грани между законом и преступлением.

Судебная система. Суд Линча. Институт присяжных. В структуре правовых отношений юридическому оформлению воли правящего класса противостоят общечеловеческие нормы морали, устойчивые способы реализации межличностных связей и кулачное право физической силы, которые, в свою очередь, претендуют на причастность к всеобщности. Пока интерес экономически и политически господствующего класса совпадает с интересами всего общества, альтернативные праву способы реализации правовых отношений существуют только как возможность. Свою действительность они обретают в момент распада социальной ткани, обусловленного изменениями всей системы общественных отношений.

После окончания гражданской войны между северными и южными штатами Америки (1861–1865) победители стали за бесценок скупать поместья южан, а освобожденные ими рабы принялись сводить счеты с бывшими хозяевами. Реакцией побежденных конфедератов на юридически оформленный грабеж стала тайная террористическая организация (Ku-Klux-Klan), возродившая бессудные расправы уличной толпы на основании простого подозрения в совершении преступления, более известные под именем суда Линча.

Закон о бессудных телесных наказаниях возник в Пенсильвании в 1780 году по инициативе капитана Уильяма Линча. Его однофамилец судья Чарльз Линч в условиях гражданской войны рассматривал дела без участия обвинения и защиты. Это было правосудие военного времени, только вердикт выносил не трибунал, а гражданский судья. В практике тайных террористических организаций суд Линча стал массовым проявлением коллек-

тивного бессознательного в структуре правовых отношений.

Альтернативные правовой системе способы утверждения особенного в качестве всеобщего сжимают *отдельное* до уровня *единичности* и тут же возводят его в ранг *всеобщего*. Двойное и одномоментное изменение масштаба становится сокрушительной катастрофой не только индивидуальной судьбы, но и системы её межличностных связей.

24 января 1877 года террористка Вера Засулич тяжело ранила петербургского градоначальника Федора Трепова. Её выстрел стал мессией партии «Земля и воля» за отданный генералом приказ подвергнуть телесному наказанию уже осужденного к 15 годам каторжных работ студента Алексея Боголюбова. Чтобы не создавать рекламу революционерам, правительство квалифицировало дело Засулич как уголовное преступление и направило его в Петербургский окружной суд. Председательствующий в суде Анатолий Федорович Кони просил присяжных найти основания для снисхождения, а вместо этого они её оправдали.

Осудив градоначальника с позиций морали, В. Засулич стреляет в него в системе политических и одновременно правовых отношений. Не оказав сопротивления при задержании, она выражала готовность принести себя в жертву в структуре уже религиозного отношения. Политика, право, мораль и религия вторгаются в жизнь ничего собой не представляющей барышни. Отпущенная из-под стражи прямо в зале суда, она не стала вторично искушать судьбу и сразу же покинула Россию. В эмиграции она попыталась стать властительницей дум, но лишенная литературного таланта оказалась неспособной предложить что-нибудь кроме революционного террора.

В структуре правовых отношений эгоистичность классовых интересов раскалывает судебную систему на множество изолированных друг от друга судов и установлений, на которых они вершат своё правосудие. Отсутствие широкой социальной базы они компенсируют свирепостью своих приговоров. В августе 1879 года исполнительный комитет «Народной воли» приговорил императора Александра II к смертной казни. Альтернативные высшей мере наказания варианты домашнего ареста Государя, передачи его на поруки или принуждение к общественно-полезным работам по уборке территории не предлагались. Энергия взаимной ненависти (и страха) разгоняла отдельные частицы социальных отношений, мера инертности которых приближалась к тому роковому рубежу, где

она становилась непреодолимой. Вместо борьбы с преступностью репрессивная система начинала её создавать для обеспечения собственного существования, поэтому живущий в системе межличностных связей человек становился преступником без преступления.

Тюрьмы, каторга и концентрационные лагеря. Для изоляции преступника и его возможного исправления общество моделирует систему своих отношений в искусственно созданном пространстве исполнения наказаний. Коммунистическое будущее, о наступлении которого мечтали несколько поколений советских людей, стало реальностью для обитателей тюремной зоны. Здесь не было денег, способности каждого определялись нормами выработки, а минимальные потребности удовлетворялись в полном объеме. Подобно любой модели, тюрьма воспроизводит лишь *отдельные* свойства существующих в обществе отношений, поэтому в любых социальных условиях сохраняет свою способность оставаться неизменной. В эпоху монополистического капитализма тюремное заключение принимает форму концлагеря.

Концентрационными лагерями принято называть специально оборудованный центр массового принудительного заключения и содержания лиц, лишенных свободы, как правило, во внесудебном порядке [6]. Загнать людей за колючую проволоку и максимально ограничить свободу их передвижения можно по самым разным поводам, например для предотвращения возможной эпидемии. Именно так эмиграционные власти Америки встречают тех, кто прибывает в США на постоянное место жительства. Чтобы жизнь за колючей проволокой стала *концентрационным лагерем*, страна должна находиться в состоянии войны с внутренним или внешним врагом. В стремлении обезопасить себя от возможного удара в спину, правящий режим в качестве превентивной меры изолирует своих потенциальных противников в «специально оборудованных местах принудительного обитания».

Первые концлагеря в современном значении этого слова создали англичане в ходе англо-бурской войны 1899–1902 гг., чтобы лишить бурских партизан возможности снабжения за счет местного населения. Согласно официальным заявлениям «целью концлагерей являлось «обеспечение безопасности мирного населения бурских республик».

В отличие от тюрьмы, куда отдельный человек или участники преступной группировки отправляются индивидуально в соответствии с

решением суда, заключенные концлагерей отбираются по заранее заданным критериям, например христианские демократы, лица определенной национальности или члены профсоюзов.

В повседневной жизни человек может ограничить свою причастность к профсоюзному движению простой уплатой членских взносов, но, оказавшись в концлагере вместе с активными членами профсоюзного движения, он осознает себя частью огромного целого, масштабность которого становится условием выживания индивида. Подавляя *волю* к сопротивлению, концентрационные лагеря создавали мощные способы внутренней самозащиты, которые действовали в противоположном направлении. Чтобы остаться человеком, пусть даже деградировавшим, необходимо было сознавать, где проходит черта, дальше которой нельзя отступать ни при каких обстоятельствах. По словам бывшего узника Дахау, венского психотерапевта Бруно Беттельхейма, заключенный становился живым трупом, когда мог принять всё что угодно». «Осознание собственных поступков не могло их изменить, но их оценка давала какую-то внутреннюю свободу и помогала узнику оставаться человеком» [7].

Философия права. Реализация существующих в обществе юридических отношений становилась практической основой и объектом отражения для теоретического сознания правоведов.

Теоретическим оформлением приоритета обычаев в правовых отношениях стали печатные труды создателя исторической школы права Фридриха Карла Савиньи (1779–1861). Немецкий юрист считал, что право есть выражение духа народа и потому не может быть реформировано с помощью законодательства. Вдохновленные его идеями и эволюционным учением Ч. Дарвина, сэр Генри Джеймс Мэн (1822–1888) выпускает книгу «Древний закон и обычай», где утверждает, что в немногих прогрессирующих обществах с развитой правовой системой юридическим законам предшествует обычай. На его основе сначала возникает свод правил, затем законодательные традиции и правосознание, а только потом подлинное законодательство.

В структуре правосознания обычаи и законодательные традиции становились мерой инертности правовых отношений, поэтому юридический позитивизм (*Остин П., Шершеневич Г.Ф., Хейзинга Й., Коркунов Н.М.*) отождествил право с конкретным законодательством, которое включает в себя частное и публичное право. Находящееся за пределами действующе-

го законодательства естественное право французский юрист Кабантú предлагал назвать *социальной философией* (поскольку речь идет о порядке частных интересов), *политической философией* (поскольку речь идет о системе публичных институтов) и *дипломатической философией* (поскольку речь идет о международных отношениях).

Юридический позитивизм получил наиболее широкое обоснование в книге немецкого юриста К. Бергбома «Юриспруденция и философия права» (1892). Автор выступает против всех доктрин, которые пытаются исследовать не реальное (действующее), а предполагаемое или желаемое право. Субъективные права человека выводятся из текста законов, поэтому решение по данному делу суд принимает на основе логического толкования соответствующих статей уголовно-процессуального кодекса. Отказавшись от общей теории права ради реального правопорядка, юридический позитивизм превратил государство в силу, творящую право по собственному усмотрению.

Выступая против кодификации законов и оправдывая правовой произвол государства, юристы, сами того не подозревая, создавали модели правовых отношений, реализованных в России во время гражданской войны. В условиях всеобщей децентрализации многочисленные правительства и вооруженные крестьяне утверждали свою собственную «правду». Это дробление некогда единого целого сопровождалось нарастанием взаимного ожесточения, которое становилось неуправляемым из-за своей чудовищно возросшей массы.

Место заключения. Диктатура как торжество демократии. Согласно материалистическому пониманию истории, идеологические правовые отношения относятся к надстроечным явлениям и вместе с политикой первыми реагируют на изменения общественного бытия. Переход капитализма в монополистическую фазу своего развития ещё более ускорил реализацию всей совокупности общественных отношений, внутреннее движение которых сопровождалось распадом целостности на постоянно возрастающее количество частей. Для правовых отношений это означало противостояние различных правовых систем, каждая из которых стремилась утвердить своё исключительное право представлять интересы всего общества. Здесь снова напрашивается аналогия со специальной теорией относительности, где разогнавшиеся до космических скоростей массы приобретают но-

вую инертность. Она стала такой огромной, что дополнительное ускорение становится невозможным. Собрать распадающуюся социальную ткань правовых отношений могла только государственная власть в форме диктатуры, тотальность которой могла бы сравниться с массивностью разогнавшихся мельчайших частиц. Из многих претендентов на роль диктатора победу мог одержать только тот, кто, по словам В. Хлебникова, «уравнение Минковского на шлеме сером начертал».

В системе правовых отношений новой форме государственной власти предстояло соединить насилие со *всеми* вариантами реализации правовых отношений. Отмирающее после победы социалистической революции государство диктатуры пролетариата обеспечивает возможность «грабить награбленное» [8] и с помощью насилия помогает трудящимся привыкнуть к соблюдению элементарных правил общежития, *без особого аппарата* для принуждения [9]. Соединив простые нормы морали с организованной на государственном уровне преступностью и обладающей некоторой независимостью судебной системой, государство диктатуры пролетариата создавало социальное пространство Большого взрыва, благодаря которому новейшие физические теории проникали в межличностные связи здравого смысла.

Список литературы

1. Венюков М.И. Как заселялся Амур. Путевые очерки // Хрестоматия по истории Дальнего Востока. Кн. 1. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1982. С. 338.
2. Клевалина Н. Джек Потрошитель // STORY. № 10. 2008. С. 76.
3. Шаламов В. Левый берег: Рассказы. М.: Современник, 1989. С. 451–452.
4. Торвальд Ю. Век криминалистики. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
5. Каграмонов Ю.М. Франсуа Видок и «тайны Парижа» // Новая и новейшая история. 1976. № 5. С. 153.
6. Концентрационный лагерь // <http://wikipedia.org>, 2 октября 2009 г.
7. Беттельхейм Б. Просвещённое сердце // Человек. № 2. 1992. С. 77.
8. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу «Об очередных задачах советской власти» на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1977. С. 269.
9. Ленин В.И. Государство и революция. Полн. собр. соч., Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 80.

IMPERSONAL CRIMES AND PUNISHMENT OF INNOCENTS***V.N. Pronchatov***

The article deals with the changes in the structure of legal relations driven by the transition of pre-monopolistic capitalism to the imperialist stage of its development. The attempts of the subjects of legal relations to use unrestricted arbitrary action to preserve the law and order system disintegrating into separate elements are a logical result of this process.

Keywords: legal relations, judicial system, prisons and concentration camps, philosophy of law.